

Значит, это все-таки случилось... Произошло... То, что Александра подсознательно ожидала с первого дня, хотя и пыталась замаскировать свой страх показной решительностью и бравадой. Так ребенок закрывает обеими руками глаза в темной комнате, надеясь, что мохнатые чудовища, копошащиеся по углам, не посмеют подползти к нему, пока он их не видит. Маленькая, неумная, самовлюбленная дура! А колесики невидимого механизма скрипели и скрипели. Черная воронка затягивала и затягивала бестолковых людишек — таких же, как она, зажмуривших глаза и зажавших уши руками. Бездна уже раскрыла объятия ей самой: добро пожаловать, любительница острых ощущений!

Александра застонала, затрясла рыжей головой. Но прогнать кошмар не удалось. Напротив, тот все наглее, настойчивее влезал в растущую ночь, в комнату, в душу! То, что еще недавно источало запахи, исходило словами и желаниями, вот уже несколько часов лежит в городском морге. И теперь оно мало чем отличается от того же стола или гремящего, мертво блестящего в свете ламп инструмента патологоана-

тома. А в воздухе витает отвратительное слово «труп».

Но если для человека, отправившегося в мир иной, все кончено, то для нее только начинается. Теперь придется оправдываться перед каждым, доказывать, что она не имеет к убийству никакого отношения, впереди — унижительная процедура допросов и провинциальный остракизм.

Как же это случилось? Надо вернуться к началу. Нужно в мельчайших деталях вспомнить ранний осенний вечер, когда она в первый раз увидела ее большие, но беспомощные без очков глаза, эту странную улыбку, похожую на испуганную птицу.

Глава 1

Александра замерла. Откуда-то издалека до девушки донесся мелодичный слабый голос...

— Вам тоже выдали кровать и тумбочку?

Александра, натягивая наволочку на подушку, кивнула.

— Нам всем такие выдали, когда мы приехали сюда после института. Директор распорядился. На первое время.

Говорившая — близорукая худая брюнетка с по-детски беспомощным выражением лица — задумчиво провела по краю дешевой коричневой тумбочки.

— Но, знаете, первое время как-то само собой растянулось на неопределенный срок... И... Мои соседки, — худышка скривила тонкие губы, — недавно купили тройки, диваны. А я все оставила как есть. И знаете почему?

Александра молча пожала плечами, продолжая заправлять постель.

— Всегда мечтала уехать из этого мерзкого городишка. Думала: вот завтра, вот через год... Не обременяла себя лишним грузом. Чтобы легче было съезжать.

Голос девушки подозрительно дрогнул, и Александра покосилась в ее сторону. Нет! Только не сейчас. У нее совершенно нет сил выступать в роли психотерапевта малознакомой собеседницы. Да и желание отсутствует. И, если уж быть честной до конца, ей самой после потрясений последних месяцев нужна помощь специалиста.

— Дверь вся в изгибах, как в линиях судьбы, — резко сменила тему Александра. — Сплошные суставы воли и горы Венеры.

Она дотронулась до потрескавшейся голубой краски и, покачав головой, заметила:

— Надо срочно покрасить.

В ту же минуту по загоревшимся жадным блеском глазам собеседницы Александра поняла, что выбрала неверное направление, стремясь уйти от слезливого разговора. Из ее реплики в голове Вики отложилось только слово «судьба». Склонив шею набок, она сказала тихо:

— А вы гадать умеете.

— Ну, немного, — Александра неловко засмеялась, мысленно ругая свой длинный язык.

— Да что вы! — тут же удивилась собеседница, хотя несколько секунд назад сама заявила о способностях приехавшей как об известной истине. — У вас, наверное, бабушка гадала?

— Никто у меня не гадал, — немного раздра-

женно ответила Александра, но тут же взяла себя в руки и миролюбиво пояснила: — Просто, когда училась в университете, поехала летом с подругами в Ялту. По вечерам у гостиницы женщина на лавочке сидела, вполне интеллигентного вида. И рядом с ней — табличка: «Предсказываю судьбу». Как оказалось, Татьяна Романовна гадала, чтобы оплатить проживание в гостинице, свое и дочери. Я так поняла, доверчивых людей хватало. Да. И Лена с Машей, подруги мои, подсели к Татьяне Романовне. Я сперва не хотела, а потом послушала, что им гадалка говорит, и тоже руку показала.

— И что-нибудь уже сбылось?

— А она мне ничего про будущее не сказала. Я даже слегка разочаровалась. Посмотрела и говорит: «Ты сама в людях не хуже меня разбираешься, тебе гадать надо».

— И все?

— Все. Мы ж глупые были. Подруги мне на рынке книгу «Хиромантия, или Тайны руки» купили. И мы ее на пляже старательно изучали. Я даже гадать пробовала.

— Посмотри мою руку!

— Да глупости это!

— Ну, Сашенька, я тебя очень прошу. Что тебе стоит.

— Я уже забыла все.

— Не может быть!

Под напором собеседницы Александра наконец сдалась. «Ладно, скажу пару фраз, иначе не отстанет», — решила она.

Девушки опустили на только что запроваленную кровать, и Вика протянула свою руку. Она

оказалась очень худой и необыкновенно горячей, словно брюнетку съедал изнутри какой-то тайный огонь.

— У-у-у! — засмеялась Александра. — Обжечься можно.

— Да, я очень горячая, — серьезно ответила Вика.

Александра же в задумчивости уставилась на глубокую, истончающуюся к середине ладони линию жизни.

— Мне уже как-то гадали... Это правда, что я скоро умру? — вывел ее из оцепенения голос Вики.

— Э-э-э... Скоро? Да нет. Это случится не очень скоро. А прежде произойдет какое-то необычное событие. Вот видишь этот крестик? Скорее всего ты встретишь человека, который... который...

— Мужчину?

— Возможно.

— Ты имя, имя скажи, — засмеялась Вика. — Помнишь, так в кино гадалке говорили.

Александра же, скривив губы, внимательно смотрела на крестик, внутри которого темнело синее пятнышко. Если верить хиромантии, встреча эта принесет несчастье темноглазой худышке Вике.

— А так ты человек добрый и очень ранимый, но я это и без гадания могу сказать, — закончила Александра, накрывая ладонь девушки своей.

Вика радостно засмеялась:

— Ты тоже хорошая. Но я тебе уже надоела, наверное. Если что-то нужно, не стесняйся, приходи. Мы же соседки. Пойду уроки готовить.

Наконец-то дверь за непрошеной гостьей закрылась, и Александра осталась одна. Она аккуратно расправила складки на одеяле и задумалась. Гадалка открыла ей тогда еще одну важную информацию: «Хотя ты по своей сути человек везучий, но вот этот провал (ладонь Александры имела впадину посередине) поглощает все хорошее. Пройдет немало времени, прежде чем ты выберешься из него». Татьяна Романовна не обманула. Несмотря на хорошие способности и неиссякаемое трудолюбие, девушка к 26 годам ничего не смогла добиться в жизни. И более того — умудрилась потерять то, что уже имела.

В университете преподаватели восхищались острым, цепким умом Александры, и в зачетке старательной студентки красовались круглые «отл.». И вдруг... Надо же ей было поспорить с этим идиотом Дубосским. Дубом, как называли его студенты между собой. Преподаватель новейшей российской литературы был буквально помешан на творчестве писателей-деревенщиков. На лекциях он, закатывая глаза, читал по памяти: «Поля духовито пахли аржаной ядреной свежестью». Дуб поднимал вверх узловатый короткий палец и стонал: «Какой язык! Какое художество!»

— Какое убожество! — смеялась Александра с подругами.

— Холодова! — строго вскрикивал Дубосский, и глаза его пылали за стеклами очков праведным гневом. — Какой повод для веселья вы отыскали? Скажите. Мы посмеемся все вместе.

Он оглядывался и старательно кряхтел, что означало смех.

Почему-то из их веселящейся компании Дуб запомнил только фамилию Александры. И на экзамене не удержался и припер девушку дополнительным вопросом: особенности языка писателя Онуфриева. Александра прекрасно ответила по билету и, наивно полагая, что ей нечего бояться, решила сказать правду. А почему нет? Тем более что на консультации за день до экзамена Дуб старательно уговаривал студентов: «Никогда мне не лгите. Если не готовы, так и скажите. Но не опускайтесь до бумажонок в рукавах, где-то там под юбкой у соседки. И главное — нужно на все иметь собственное мнение. Правда и только правда. Ее я всегда приму с чистым сердцем и легкой душой».

Видимо, его изречение к творчеству Онуфриева не относилось. Александра поняла это по особенной опасной тишине, повисшей в аудитории после того, как она сказала: «Я думаю, что язык писателя переполнен диалектизмами. Это затрудняет чтение, само по себе некрасиво. Зачем, с какой целью ломать наш «великий и могучий»? Так натуживаться? По-моему, это просто желание автора хоть чем-то привлечь к своим произведениям внимание критиков. А о читателе он совершенно не думает».

Профессор глядел на студентку с брезгливой жалостью, как смотрят на умственно отсталых детей и хромых бродячих собак. Беззвучно пошевелил губами, словно пережевывая ответ Александры. Наконец спросил:

— И какой же... Какой же, разрешите узнать, госпожа Холодова, вы видите прозу конца XX века?

— Современная проза, — ответила Александра, отгоняя беспокойство, — должна быть простой и звонкой, как повести Лермонтова. А мудрствование, эксперименты с языком — это все временное.

Дуб торжествующе заулыбался, и глаза его загорелись, как у кота в темной комнате.

— Я всегда знал, что вы ничего не смыслите в русской литературе. Не бельмеса! — сияя от счастья, воскликнул он, старательно выводя в ее зачетке «уд.».

Александра густо покраснела, но сдержала слезы и выскочила из аудитории. Разрыдалась она уже в коридоре. Больше даже не из-за оценки, а с досады, что так легко попала.

— Да я его урою! — кричал возмущенный Андрей Иванов, четыре года безнадежно влюбленный в Александру.

Однако ребята удержали товарища. Ему еще предстояло тянуть билет.

Час спустя Андрей вышел из аудитории с видом победителя. Отвечая, Иванов ломался, через каждое слово дерзил Дубу, так что профессор быстренько вывел в зачетке «уд.», только чтобы поскорее избавиться от языкастого студента. Андрей специально завалил легкий вопрос, как будто этим он мог чем-то помочь Саше. Глупый, милый Иванов.

В общем, красный диплом Александра не получила, хотя куратор, полная вальняжная старая дева, любившая безопасно пофлиртовать с молодыми интересными студентами, уговаривала ее пересдать новейшую литературу. «Никогда! — решительно сказала себе Александра. — Унижаться не стану!»

Этот случай ничему не научил девушку. И потому вскоре она оказалась у разбитого корыта. «Правильнее сказать, — мысленно поправила себя Александра, — с разбитым сердцем у разбитого быта».

По окончании журфака друг отца устроил девушку в приличную, довольно популярную газету — «Городские известия». Работу свою Александра любила и справлялась с ней прекрасно. Ей нравилось встречаться с людьми, помогать им. Да. Эдик останавливал ее с самого начала: «Ты слишком серьезно относишься к своей роли. Пойми — это только работа», — выговаривал он ей. «По-моему так, как надо», — отмахивалась Александра. А зря. Зря она тогда не прислушалась к советам многомудрого Эдика и продолжала совать носик туда, куда не следовало.

По неопытности Александра влезла в опасное дело: с подачи редактора написала резкую и злую статью про махинации директора резинового завода, метившего в депутаты областной Думы. Журналистка сто раз перепроверила факты, но потом кое-какие цифры непостижимым образом не сошлись. И директор с кличем «Клевета!» ринулся в наступление. История эта приключилась перед самыми выборами и получила широкий резонанс. Даже слишком. Взрывной волной Александру чуть не уничтожило как журналистку. От суда и позора ее спас бывший однокурсник, выбившийся в люди.

В университете Боря Каретич не отличался никакими особенными способностями, кроме одной, прямо-таки уникальной: завязывать знакомства с шишками разной величины. Он-то и

устроил после скандала Александру в захудалую районную газету.

«Ну, ты, Холодова, своей смертью не помрешь, — выговаривал ей Борис Владимирович на прощание, восхищенно глядя на бывшую однокурсницу маленькими живыми глазками. — Я всегда говорил: с твоим характером работа журналиста противопоказана». И Александра после унижительной процедуры, приведшей ее к провалу, не могла даже отгородиться, как обычно, ледяной стеной гордости и отрезать: «Это мне решать».

А в общем, Боря кое в чем был прав. Александра крепче сжала губы и нервно отбросила за ухо светло-рыжий завиток волос.

В районной газете с претенциозным названием «Все обо всем» молодую городскую журналистку приняли настороженно и чуть насмешливо. Редактор, быстрым цепким взглядом просканировав девушку, пробасил: «Вливайтесь, моя прекрасная леди, в наш гадюшный коллектив» — и громко захохотал, довольный собственной шуткой. Сам он, как вскоре выяснилось, и возглавлял племя редакционных пресмыкающихся. Александра задумалась. Ведь, кажется, именно в этот отряд входят ползучие твари?

У Нестора Болеславовича оказалась тяжелая длань, злой язык и изворотливый ум. Это при том, что тело он имел тяжелое, словно грубо вытесанное из огромной темной глыбы. За внушительную комплекцию подчиненные прозвали его «наш бегемот». Потом кличка в их казуистских журналистских мозгах странным образом трансформировалась в непонятное слово «баргамот». Нестор Болеславович знал об этом и иногда, вы-

звав на ковер сотрудника и насупив густые брови, предупреждал: «А вот за эту писанину, за эту испорченную бумагу Баргамот тебе сейчас руки вырвет. Без наркоза». Озвученная редактором собственная кличка означала потерю контроля, а следовательно, его сильнейший гнев.

В Белоречинске Александра планировала снять квартиру, но ей предложили комнату в школьном интернате. Журналистка согласилась. Задерживаться надолго она здесь не собиралась, а на два-три месяца сойдет и это. На втором этаже интерната находились начальные классы и две комнаты для далеко живущих детей. А на первом ютились учителя, вернее, учительницы. Все четыре — скучные старые девы. Одна из них только что нанесла визит новой соседке.

Александра тряхнула волосами и твердо сказала себе: «Нет, больше не позволю втянуть себя в какое-нибудь дерьмо. Пересажу здесь немного, пока утихнет шум. А потом устроюсь куда-нибудь в приличное место. Эдик за это время найдет мне подходящую работу».

«Он, кстати, так и не позвонил сегодня, — с легкой досадой отметила девушка. — Хочет показать, что сердится. Я это и так знаю, мой милый. И сама сержусь на себя. Но что поделаешь?» Себе в оправдание она могла сказать только одно: «Я сделала глупость в последний раз».

Глава 2

В тот вечер Александра вернулась домой поздно. По необычному оживлению, царящему в коридоре, она поняла, что в интернате «мужским

духом пахнет». Двери беспрерывно открывались и закрывались. Девушки то и дело выскакивали в умывальник, и в нем звучал излишне громкий и излишне веселый смех, от которого на душе у Александры почему-то становилось грустно. Нечто подобное в интернате происходило три дня назад, когда неожиданно нагрянул Эдик. Наблюдая картину коридорного оживления, он сказал с ироничной улыбкой: «Да, у тебя тут весело».

Александра вздохнула, взяла большую кружку и направилась к умывальнику. И тут она увидела принца, из-за которого и поднялся шум-гам. Прислонившись крепким плечом к полуоткрытой двери, ведущей в комнату Маргариты Ивановны, стоял невысокого роста парень. Его карие глаза, темные брови и ресницы резко контрастировали со светло-русыми, коротко подстриженными волосами. Он улыбался, но как-то не так... Отстраненно, что ли? Даже под свободной спортивной курткой угадывалась мощная мускулатура. На мгновение Александра задержала взгляд на шее парня и краешке голой груди и тут же почувствовала приятную внутреннюю дрожь. Поэтому, как покорно-плотоядно смотрела Маргарита Ивановна на гостя, не возникало сомнений в сути отношений этой парочки.

Александра поздоровалась. Ей ответили. Взгляд парня нагло, лениво прошелся по девушке и тут же вернулся к Маргарите. Александра набрала воды и прошла к себе.

Неожиданно испортилось настроение. Почему? Александра пристрастно заглянула внутрь себя и с легкой досадой признала, что вовсе не

из-за бесцеремонного разглядывания парня. А потому, что взгляд незнакомца, скользя снизу вверх по стройной фигурке девушки, остался равнодушным. В нем даже промелькнуло легкое презрение. «Печорин чертов», — с раздражением подумала Александра, привыкшая к иной реакции мужчин.

В коридоре хлопнула дверь, и тут же воцарилась тишина. Видимо, парень зашел к Маргарите Ивановне. Александре вдруг очень захотелось услышать голос Эдика. Она уже потянулась к мобильнику, как в дверь робко постучали. Девушка быстро соскочила с кровати и открыла. На пороге стояла Вика.

— А ты почему не участвуешь во всеобщем веселье? — спросила Александра. — Тебя что, этот молодой человек совсем не интересует?

Вика растерянно мигнула за стеклами очков и сказала как-то даже удивленно:

— Это мой брат.

— Брат, — повторила за ней Александра, чувствуя, как лицо ее покрывается краской.

«Это тебя он что-то слишком заинтересовал, вот и задаешь людям глупые вопросы», — пристыдила себя девушка, но не удержалась и задала еще один:

— А у них что с Маргариткой — роман?

— Да, типа этого, — сказала Вика, пряча глаза. — Но не думаю, что их отношения продлятся долго. У него это ни с кем не бывает долго.

— Такой Казанова? — резко рассмеялась Александра.

Вика вздрогнула, словно она ее ударила. Медовые беспомощные глаза потемнели, но брю-

нетка ничего не сказала. Александра виновато прикусила губу, чувствуя, что сморозила глупость.

— Извини, — выдавила она из себя. — Мы, журналюги, любим болтать языком и донимать окружающих дурацкими вопросами.

Вика подняла на нее беспомощные глаза и сказала:

— Я не сержусь. Когда-нибудь расскажу тебе о нем.

Александра чуть не закричала: «Расскажи немедленно!» — но вовремя удержалась. Только сейчас, внимательно посмотрев на гостью, она заметила, что та чем-то сильно озабочена. Александра чувствовала: Вика хочет поделиться своими сомнениями, но не решается. Наконец, после минутного колебания, брюнетка как-то застенчиво спросила:

— Саша, во что ты играла в детстве?

— В детстве? — растерянно переспросила Александра, а про себя подумала: «Ох уж эти учителя! Такие вопросы ни один журналист и с большого бодуна не придумает».

— Во что? Ну, как все, наверное, в куклы. В волейбол любила, где скорость нужна, сила. Знаешь, чтоб ветер в ушах, сердце стучало, глаза блестели. И твои, и окружающих.

По пустому, какому-то далекому лицу Вики девушка поняла, что она слушает ее невнимательно, думает о своем. Как только Александра замолчала, брюнетка быстро сказала:

— А я — в дом.

— В дом?

— Ну да. Ты знаешь, сколько себя помню,

мечтала о собственном доме. Сперва он был у меня в кусте сирени.

— В кусте сирени? — раскрыла широко глаза Александра, поймав себя на том, что от удивления в состоянии только повторять слова собеседницы. — Как это?

— Так, — медовые глаза смотрели из-за очков укоризненно. — У нас красная и белая сирень переплетались тесно, а сверху еще и дикий виноград вился, и получалось что-то вроде грота. Такое маленькое уютное гнездышко. Я любила забираться туда летом по вечерам. В августе в саду сильно пахло яблоками. Листья уже желтели. Лучи солнца сочились сквозь прутья плетня. И весь сад был как пирог с яблочным повидлом.

— Пирог? Хм. Прямо стихотворение поэта-деревенщика. А брат приходил туда, ну, в твой «дом»?

Вика скорчила гримаску, недовольная тем, что ее перебили.

— Нет. Впрочем, иногда заявлялся. Ближе к сумеркам. Брал меня за руки и говорил важно: «Когда вырасту, построю тебе настоящий дом». Смехота! — губы Вики скривились в усмешке, но глаза стали такие жалкие, что Александра испугалась, как бы собеседница не расплакалась.

Однако лицо гостьи опять приобрело задумчивое выражение. Александра уже привыкла к резкой смене ее настроения. «Как приливы и отливы», — подумала она.

— Потом «построила» дом в старой хате. Там родители держали всякие ненужные вещи, хлам. Одну комнату я вымыла. Поставила лавочку — стол. На него — старую вазу. У нас в саду растут

дикие красные и желтые розы. От них такой запах... Я их по утрам срезала. А на стены репродукции из «Работницы» повесила. Помню «Всадница» Брюллова гарцевала... Мне тогда девять лет было.

Теперь у Александры не только широко распахнулись глаза, но даже приоткрылся рот. У нее в детстве никогда не возникало желания создать себе временный жалкий приют. Саше всегда хватало уютной квартиры родителей. И даже... Даже когда появилась идеальная женщина и дом стал напоминать зал музея, совершенный и холодный, Александре и в голову не приходило искать пристанище где-то на стороне.

— А почему ты не обставила комнату по своему вкусу в настоящем доме? — наивно спросила девушка.

— Дом, — усмехнулась Вика. — Мы старались появляться в нем как можно реже. Отец каждый день буянил. А когда мама умерла, он стал совсем неуправляемым. Я домой всегда с тяжелым сердцем еду. А брат, тот вообще в деревне уже много лет не показывается. После всего этого...

Вика неопределенно махнула рукой. Александра наострила уши, но собеседница пугливо покосилась на дверь и замолчала.

— Да, а на мою зарплату учительницы к концу жизни можно построить только домик, как у кума Тыквочки.

Александра улыбнулась меткому сравнению.

— Но, знаешь, мне, кажется, предоставляется возможность стать хозяйкой дома. Настоящего. Типа дворца, — задумчиво опустила глаза тихоня.

— Дворца?

— Ну да, такого, какие строят на правом берегу пруда.

На правом берегу пруда возвышались двухэтажные особняки нуворишей местного разлива.

— И как же ты собираешься там оказаться? — уже заинтересованно спросила Александра.

— У нас есть учительница — Надежда Николаевна. Очень хорошая женщина. А у нее много друзей среди состоятельных людей. И она предлагает меня познакомить с одним мужчиной. Правда... — Вика нерешительно замялась и наконец закончила: — Он вроде бы очень страшный.

При последних словах говорившая подняла глаза на Александру и робко улыбнулась.

— Ничего, — поспешила успокоить ее журналистка. — Мужчина и должен быть чуть получше обезьяны. Зато гулять не станет.

— Но он, говорят, совсем ни на что непохож.

— Да?.. К тому же, наверное, старый холостяк, — рассуждала Александра. — А такие всегда не подарки. У них обычно полно комплексов и причуд...

— Ну знаешь, — горячо оборвала ее Вика. — Тут уже в таком положении, что за деньги и за гнома выйдешь.

«И чего я, правда, суюсь с нравоучениями к чужому человеку, — подумала Александра. — Пусть делает что хочет. Ее право».

— К тому же он очень хороший, — бросилась на защиту богатого незнакомца Вика. — Надежда Николаевна сказала. Добрый, скромный, по дому все делает. Она мне говорит: «Ты с ним как

принцесса будешь жить». И семья у него очень порядочная. Отец умер, а мать...

«Вот уже и мать нарисовалась, — подумала Александра. — На тех же, наверное, двухстах квадратных метрах проживает. Да, будешь ты, глупая Вика, день и ночь своему прынцу особняк надраивать». Девушка открыла было рот, но лишь тяжело вздохнула и промолчала.

— Тамару Ивановну тут все знают. Она раньше заведующей первым универмагом работала. Там еще пожар случился, а как раз перед этим в магазин золото завезли. Говорили тогда, что пожар заведующая подстроила, — неловко улыбнулась Вика, смущенная тем, что передает сплетню о будущей родне. Однако не могла сдержаться, чтобы не рассказать такую интересную историю.

— А говоришь: порядочная семья.

— Ты ничего не понимаешь, глупенькая, — голос Вики приобрел менторские интонации. — Такие ловкие люди в глазах окружающих самые... самые, — она поискала подходящее слово, — достойные. К тому же сейчас у Тамары Ивановны новая должность, еще лучше.

— Да, это несколько меняет ситуацию, — с усмешкой сказала Александра.

Вика подозрительно взглянула на подругу и даже слегка нахмурилась, отчего между ее бровями образовались две коротенькие вертикальные палочки. Однако уже через секунду лицо учительницы разгладилось.

— А дом у них, дом... Надежда Николаевна сказала: самый красивый на Гагарина. И очень многие мечтали проникнуть туда. К Сергею не одну сватали, но почему-то все расстраивалось.

— Интересно, по какой причине.

Вика лишь беспомощно пожала плечами.

— Знать бы, что Сергею нужно.

— А где он работает?

Глаза Вики опять заблестели, и она начала рассказывать голосом человека, расхваливающего только что сделанную удачную покупку:

— Ездит на заработки в Москву. Привозит, понятно, не гроши. В общем, про бедность с ним можно забыть. — И глядя на Александру с робкой счастливой улыбкой, добавила: — Завтра он придет в школу, и мы встретимся в первый раз. Даже не знаю, что мне надеть.

— Что-нибудь посексуальнее, — посоветовала Александра. — То платье, что недавно купила, темно-зеленое. Ты в нем кажешься выше ростом. И вот еще что. Обязательно сними очки. У тебя такие красивые глаза, а ты их прячешь за толстыми стеклами.

— Но я же без очков плохо вижу, — со счастливой улыбкой возразила Вика.

— Ничего. Вы ведь завтра гулять не пойдете. Сядь и сиди. Только глаза не щурь. Они у женщины должны быть широко распахнутыми, во все лицо: мол, входи в мою душу, в мое тело. Не трусь!

Девушки дружно рассмеялись. В этот момент в дверь раздался стук, пришел Викин брат.

— Услышал голос сестры, — сказал он.

«Боже. Какая тут слышимость! — подумала Александра. — А мы треплем языками, ни о чем не думая».

— Можно ее?

Вика уже подскочила к двери и быстро-быст-

ро заговорила, словно боялась, что брат развернется и уйдет:

— Познакомьтесь. Это Игорь. А это — Александра, журналистка.

Он сказал «Очень приятно» голосом, каким говорят ничегошеньки не значащие фразы типа: «Сегодня идет дождь».

— От Сашиных статей весь город без ума, — спешила Вика, с силой сжимая у груди тонкие пальцы. — Она у нас новая звезда.

Игорь слушал и даже улыбался. Но его взгляд... Нельзя сказать, что в нем сквозила насмешка или, того хуже, оскорбительное снисхождение. Нет, он оставался совершенно нейтральным. Пустым. Прямо не человек, а какая-то необжитая планета!

— Перестань, Вика, — с легкой краской на лице остановила подругу Александра. — Твоему брату это совершенно не интересно.

Теперь Игорь посмотрел на девушку внимательно и остро. Его глаза обрели наконец-то выражение, сделались холодными. А с чего бы?

Вика, поправляя очки, возразила:

— Вовсе нет. Он всегда внимательно слушает, о чем я говорю.

«Слушает и думает о своем или, скорее, о своей», — со злостью подумала Александра, подняла глаза и тут же быстро их отвела. Игорь смотрел на нее чуть иначе, словно прочитал желание девушки, еще не до конца осознанное даже ею самой. Интересно, с Маргаритой Ивановной у него так же начиналось?

Вика, улыбаясь, слегка хлопнула в ладоши:

— Ну вот я вас и познакомила.

Игорь ласково улыбнулся сестре. Так взрослые обычно улыбаются своим бестолковым, а потому особенно дорогим детям. «Видно, любит ее сильно», — констатировала Александра, и от этого маленького открытия Игорь показался ей симпатичнее и приятнее. «И никакой он не наглый, — подумала Александра, когда за гостями закрылась дверь. — Просто самоуверенный слишком и... очень несчастный», — сделала девушка неожиданный для себя вывод.

Глава 3

Как и большинство женщин, Александра обожала всяческие любовные истории. А что может быть интереснее? Причем поглощала их в любом количестве и виде. Интимные приключения подруг трогали ее сердце не меньше, чем хорошие фильмы и книги. А тут девушке предстояло попасть в эпицентр романа. Прямо повезло.

Вечером следующего дня со словами: «Ну как прошла встреча?» — Александра заглянула в комнату Вики и, изумленная, остановилась.

— Здесь побывал...

Почему-то в голову пришло устаревшее «Мамай», девушка тряхнула головой и закончила:

— ... президент Буш?

Посреди разбросанных книг, тетрадей, перевернутых стульев стояла с несчастным испачканным лицом Вика и смотрела на все это обреченным взглядом. Она затеяла грандиозную уборку и с излишней поспешностью отправила в мусор детские рисунки, зеленую глиняную вазу, похожую на лист кувшинки, гору карточек. Там же

валялись поурочные планы Вики. Последние были «репрессированы» явно по ошибке.

«Подумаешь, принц датский, какие приготовления к встрече его персоны, — съязвила про себя журналистка. — А Вика тоже хороша. Ведет себя так, будто уже стала хозяйкой самого красивого особняка в Белоречинске». Учительница обвела комнату пристальным взглядом, и Александра даже сжалась, словно испугавшись, что близорукая хозяйка и ее отправит в мусор. Журналистка уселась на кровать — единственный нетронутый островок в океане безобразия — и решительно потребовала у подруги отчет об утреннем свидании.

— Все прошло хорошо, — рассеянно отозвалась Вика. — Правда, очки я по твоему совету не надела и рассмотрела его так... — Она неопределенно помахала руками. — Завтра Сергей придет в гости. А у меня такая бедность!

— Успокойся. Если ты ему действительно нужна, он не обратит на это большого внимания.

— Саша, ты рассуждаешь по-коммунистически. Уж не состоишь ли ты в партии?

И не успела Александра рассердиться, как учительница подскочила и опять принялась носиться по комнате, пытаясь навести порядок, отчего хаос только увеличивался.

— Телевизор работает плохо, его включать нельзя. А кассеты старые, — причитала Вика. — Я с этой школой совсем от жизни отстала. У тебя ничего нет подходящего?

— Хулио Иглесиас. Подойдет? Еще классическая музыка есть...

— Давай хоть испанца. Надо только остере-

гаться произносить его имя, а то я разволнуюсь и скажу как-нибудь не так.

За холодильником раздалось сухое противное царапанье. Вика вскинула кучерявую голову и уставилась в угол.

— Мыши! — испуганным голосом произнесла она. — Эти поганки меня совсем замучили. По комнате бегают. А если при нем выскочат?! У тебя как с ними?

— Да ты знаешь, с тех пор как я поставила мышеловку, они уже не ведут себя так нагло. Почему бы тебе не приобрести парочку?

— Не могу, — вздохнула Вика. — Жестоко это.

— Ну, если не можешь, тогда терпи, — с легким раздражением ответила Александра и встала, собираясь уходить.

— Подожди! — остановила ее Вика и осторожно добавила: — У меня к тебе просьба.

От ее тона Александра слегка напряглась.

— Понимаешь... Я бы хотела, чтобы ты на него посмотрела. Зайди ко мне завтра на минутку. Ты ведь так хорошо разбираешься в людях.

— Мне кажется, этого не следует делать в первый вечер.

— Ну, пожалуйста, — просительные интонации стали умоляющими.

— Ладно. Но только на минутку, — сдалась Александра, хотя к этим смотрящим у нее душа не лежала.

Во-первых, она не хотела перетягивать внимание Сергея с Вики на себя. Слишком хорошо Александра знала подлую мужскую натуру. Появись только рядом баба посмазливее, они уже за нею... Как гаишник за иномаркой. Может, Сер-

гей относится к другой, вымирающей породе — мужчина верный. Но испытывать судьбу, тем более чужую, не стоит. К тому же саму Александру хозяин особняка совершенно не интересуется. Дальше... А дальше ей почему-то все меньше нравилась эта любовная история. «Прямо трагикомедия какая-то», — подумала Александра, засыпая.

Однако подвести подругу она не решилась и следующим вечером стала собираться. В соседней комнате уже второй раз прокручивали кассету с песнями знойного испанца. Временами оттуда доносились веселые голоса и смех. «Ну тебя там только не хватало», — с тоской подумала Александра, глядя на себя в зеркало. Она сильно устала. Лицо чуть осунулось, и под глазами залегли тени. «Что ж, в таком виде можешь смело идти в гости, — сказала своему отражению девушка. — Уж на тебя там не клюнут».

Она не ошиблась. Сергей не обратил на ее приход особенного внимания. Сидел, уставившись на Вику довольными масляными глазками. Та отвечала ему смелым манящим взглядом. «Вот уж и не думала, что она умеет так смотреть, — несколько удивленная поведением учительницы, отметила Александра. — Впрочем, что я о ней знаю!»

— Знакомьтесь, — весело зашебетала Вика.

Вскочила, вихляя бедрами, подошла к Сергею, налила чая ему, потом всем остальным. «Перестарается», — подумала Александра, со стыдом отводя взгляд от подруги. Посмотрела на стол. Утром они обсудили с Викторией, что следует выпить. Из этого перечня лишней оказалась

только коробка дешевых глинообразных конфет, видимо принесенных гостем. «Да, не расщедрился, милый друг, — заключила Александра. — Считаешь, наверное, себя лучшим подарочком».

Девушка внимательно посмотрела на гостя и тут же испуганно отвела глаза, боясь, что ее мысли отразятся на лице. Сидящий напротив мужчина был не чуть получше обезьяны, а скорее чуть похуже. Красное широкое лицо уродовал крупный расплывшийся нос. Маленькие, глубоко посаженные глазки беспокойно шарили по Вике. Толстые губы, растянутые в резиновой улыбке, масляно блестели. И весь он был какой-то маленький, квадратный, горбатенький. «Господи боже! Настоящий тролль! — ужаснулась Александра, вспоминая недавний разговор. — И лицо у него темное, хитрое. Да и одет дешево и безвкусно. Словно сам покупал». Александра покосилась на безобразный желтоватый картуз, лежащий на табуретке. И где он только такой взял?

Вика же, казалось, ничего не замечала и продолжала безостановочно болтать. «Зачем, ну зачем я посоветовала ей снять очки, — в душе ругала себя Александра. — Ведь совсем ничего не видит, глупенькая. Впрочем, она и в очках вряд ли бы что-нибудь заметила. Ей особняк глаза застит».

— Ты знаешь, — пропела Вика. — Тут у нас прямо мистика.

Александр показалось, что при слове «мистика» гость дернулся.

— Мама Сережи родилась 8 марта, как я, а он сам — 22 августа, как мой брат.